

В обнимку с дельфинами

Как-то в августе позвонил мне Виктор Ерофеев: "Хочешь познакомиться с Борисом Гребенщиковым? Он будет у меня в субботу. Приходи — поговорим". Кто же откажется познакомиться при встрече известного писателя и знаменитого композитора и певца?

Виктор Ерофеев и Борис Гребенщиков встретились всего лишь третий раз в жизни, но похоже — два человека нашли друг друга по везению судьбы. Оба много курили (Гребенщиков выкуривает в день полторы-две пачки). У Бориса на безымянных пальцах серебряные перстни с тибетской символикой, которые он привез из Непала. Он не смеяет их никогда — тающаяся в них восточная сила охраняет от напастей. Руки Ерофеева без украшений, левое ухо без серьги. А в остальном они очень близки. Случай позволил им познакомиться в Ялте.

Борис Гребенщиков. — Похоже элементы в природе притягивают друг друга. Случайно мы проехали в Крым одну ночь вместе — в обществе двух очаровательных дельфинов.

Они не были знакомы, и на концерте Гребенщикова в Ялте Ерофеев написал ему записку с предложением поужинать вместе. Приглашение было принято.

Виктор Ерофеев. — Мы поехали — ни больше, ни меньше — на бывшую дачу Брежнева, хотели посмотреть, кто же там теперь отдыхает после генеральных секретарей. Мы заказали ужин. А после в ангаре обнаружили бассейн, где отдыхали два дельфина. И мы прыгнули в этот бассейн.

— Без плавок?
Б.Г. — Неудобно без плавок. Мы не были так интимно знакомы с дельфинами.

В.Е. — Очаровательная пара — Бася и Нола. Борис им даже что-то напевал. Только я не понял, что он пел.

Б.Г. — Всякие народные восточные мелодии. Застольно их нелегко воспроизвести. (И Борис издает некое музыкальное "му", "мо".) Исключительно тибетские слова. Я знаю: дельфины тибетский язык понимают лучше... После песни "мой" дельфин затих и стал спокойнее меня катать.

В.Е. — Они нас не сбрасывали. Мы потом медленно дельфинами. Это было настоящее групповое знакомство.

Б.Г. — Нет! Индивидуально, но не переходящее в какие-то флиртовые отношения.

В.Е. — Они подлизывали к нам и улыбались, потом переворачивались белым брюшком, словно приглашая поглядеть. Понимаешь, они начали щелкать, издавать какие-то значимые электрические щелчки.

Б.Г. — Если с ними дружить и вместе плавать, то дельфины лечат от всех болезней. Такая у них энергетика.

В.Е. — После бассейна мы с Борисом сидели на берегу моря, где Хрущев, наверное, сиживал с Фурцевой, а Брежнев с Громико. В тот вечер мы говорили о серьезно, несмотря на то, что выпили много воды. Говорили о главном: само творчество есть энергия. А если ее нет, то можно быть кем угодно — авангардистом, рок-музыкантом или консерватором, но все равно тебя никто не воспримет, потому что это не творчество, а всего лишь имитация.

Ищите женщину

Я попросила собеседников повернуть разговор к русским красавицам — теме и Ерофеева, и Гребенщикова. В "Русской красавице" Ерофеев, на мой взгляд, наградил героиню кучей собственных достоинств — догадкой, интуицией, мудростью...

Б.Г. — Я чувствую себя обязанным внести коррективы. Мужчина не может одарить женщину мудростью, потому что, по определению, мужчина — это метод, а женщина — мудрость.

— А помните, что говорил Флобер: "Эмма Бовари — это я"?

Б.Г. — Это у него был комплекс превосходства.

В.Е. — Манья величия... Я скажу, почему в "Русской красавице" я стал говорить от имени женщины. Я понял: женщина действует в этой стране гораздо свободнее мужчин.

Б.Г. — Поэтому мужчина может только учиться у женщины.

В.Е. — Мужчина у нас на работе врал, а дома пил. Мы, мужчины, дошли до полной деградации. А наша женщина хотела, чтобы у нее было все, как у людей. Эта ниточка связывала ее с миром. Она стояла в очереди за польской помадой, хотела оставаться женщиной. О французской помаде и мечтала не смела. А мужчина у нас развалился, рассыпался. И вот сейчас мы его как-то потихоньку свинчиваем.

— Нельзя ли чуть поподробнее, как можно свинтить то, что не состоялось?

Б.Г. — Виктор, может быть, скажет, как он собирается свинтить. Но я про себя знаю: восстановить ничего нельзя, как нельзя восстановить храм Христа Спасителя. Он разрушен — и все.

В.Е. — И этого зато храм нельзя построить. Вот построили храм на Поклонной горе — он абсолютно компьютерный.

Б.Г. — Виртуальный. Надо начинать, наверное, с того, что внедрить в сознание людей этой страны, что ни мужчина без женщины, ни женщина без мужчины ничего никогда сделать не смогут. Построить можно только на прочном фундаменте. А прочный фундамент — это гармоническое соотношение мужского и женского, инь и янь. Существуют мужская и женская стихии — со своей энергией, со своими характеристиками.

— Загадочно и красиво звучит, но вот встретилась вам ваша будущая жена Ирина, и вряд ли вы в тот момент рассуждали о том, как сочетаются эти таинственные инь и янь...

Б.Г. (Смеется.) — Мы как раз сошлись в религиозном диспуте. Трактовали друг друга одно место из Евангелия: "Мы мир я вам принес, но меч". И по этому поводу зарубились. Она мне сказала: "Я такого определения не могу принять".

— Поделитесь с читателями "МК".

Б.Г. — Если кого это заинтересует, пусть спросит у меня лично. Я пока это оставляю в тайне — любой священнослужитель может объяснить точно. Я думаю, наш патриарх это объяснит без труда.

— Как вы к нему относитесь?

Б.Г. — Я уважаю его и даже люблю.

В.Е. — Мне кажется, сейчас ни патриарх, ни президент этой страны идеальными фигурами быть не могут. России повезло в последнее время — ведь мы еще на долгие и долгие годы оставались бы замороженными. Это теперь нам кажется, что советский строй сам должен был развалиться. Мне кажется, Бог как бы повернулся к России и пробует что-то в этой стране изменить.

Б.Г. — Я считаю: если Бог может отвернуться, то это уже плохой Бог. Возможно более процитировать из Евангелия: "Бог есть свет, и в нем нет никакой тьмы". Свет не может отворачиваться. Это люди могут закрывать глаза и делать вид, что не видят и не чувствуют его. Дело всегда только в людях.

Поговорим о любимых

— Братцы, вы так зафилософовались, а хотелось бы услышать о ваших любимых женщинах.

Б.Г. — Все-таки любимая женщина — одна. Она может даже не иметь человеческого воплощения.

— Ну нет. Это уж совсем из мира абстракций.

Б.Г. — А вспомним Пушкина, его рыцаря, который на щите носил Деву Марию. Имела ли она для него человеческое воплощение? Нет. Любил ли он эту женщину? Да. А Дева Мария — это Богоженщина.

— Одно дело носить на щите, другое — найти любимую и лечь с ней в постель.

Б.Г. — Я считаю: это одно и то же. Щит, на котором рыцарь носил Деву Марию, — это сердце. Если Богоженщина есть в сердце, все с человеком в порядке.

В.Е. — Борис, ты прав: поскольку Бог существует и в нас, и вне нас, человек должен его для себя открыть. Кстати, это очень важно в творчестве.

— А если чуть-чуть поближе к земному...

В.Е. — Ты нас опять подталкиваешь к постели. А мы говорим о состоянии, в которое человек впадает, когда он пишет, сочиняет, — он действительно в небесах Бога.

Б.Г. — Надо и в небесах видеть Бога, и в людях.

В.Е. — И даже в себе.

Б.Г. — Угу. Тогда перестаешь принимать людей и Вселенную, как отдельные вещи.

В.Е. — У каждого своя ниша. Бога можно найти везде: и в любви, и в постели. Просто надо сделать несколько шагов, которые человек не делает от лениности сознания, от вялости души. Мы и впадаем в непроявленное состояние. А путь к свету требует движения.

Б.Г. — Для России можно было бы предложить рецепт, как выйти из многовекового тупика, исправить все в течение десяти — пятнадцати лет или даже раньше. Первое — полюбить женщин и соответственно дать женщинам полюбить мужчин. Второе — научиться доверять женщинам и соотносить то, что думаешь сам, с тем, что рекомендует тебе мудрая женщина. К сожалению, тот и другой шаг для России — из области фантастики.

В.Е. — Особенно неусушествимо второе предложение. С доверием у нас очень сложно. Запад реагирует на появление русских своеобразно: "Господи, такие они подозрительные". (Собеседники хохочут.) Подозрительность воспитывалась, прививалась. Когда на улице у тебя спрашивают: "Сколько времени?" — так и ждешь: либо снимут часы, либо огреют по голове.

— Борису потруднее приходится: он все время на людях. Толпа может быть агрессивна, но Гребенщиков, наверное, знает тайну, как покорять публику. Какое общение с публикой для вас идеально?

Б.Г. — Как и в отношении с женщиной — равноправное.

— То есть она должна переживать те же чувства?

Б.Г. — Если женщина равноправна с мужчиной, это не предполагает у нее наличия того, что есть у мужчины. Они дополняют друг друга.

— А были ли на ваших концертах моменты, когда вам что-то угрожало или хотя бы ощущение опасности?

Б.Г. — Нет. Человек получает извне то, что он имеет внутри. Если человек агрессивный, он не может нарваться на агрессию. Если случаются исключения, значит, что-то подобное у него внутри есть. Или отголосок бывшего злого поступка.

В.Е. — Кстати, в Евангелии Христос говорит о том, что внешнее зло, о котором обычно рассуждают, не есть зло. Зло внутри. Именно в России не усвоен этот урок Христа. У нас всегда кто-то виноват: то ли евреи, то ли поляки, то ли немцы.

Б.Г. — То ли правительство.

В.Е. — Ельцин или кто-то другой. Поразительно, мы сразу впадаем в агрессию, мы всегда должны найти врага, и тогда мы очищаемся, но это не очищение, а обман. Захламление собственного дома всеми комплексами, всеми гадостями.

Жизнь с идиотом

Б.Г. — Я сегодня много цитирую — не могу остановиться. Вспомню святого Антония, который молился за бесов, искушавших его. Вспомню тибетских лам, которые молились за уничтожавших их китайцев.

— Прости врага твоего?

Б.Г. — Пойми врага: он действует так потому, что ты его к этому вынудил. Если бы в России все были честные, кристальные, замечательные и только в правительстве все воры и преступники! Но такая ситуация нереальна. Такого быть не может. Правительство может состоять из своры преступников только в том случае, если подавляющее большинство населения поголовно — преступники. Ведь правительство — плоть от плоти, кровь от крови народа. Не могу не припомнить повесть известного писателя Виктора Ерофеева "Жизнь с идиотом". Это лезть, но это правда.

В.Е. — В России до сих пор считают: мы стали плохими, потому что у нас был социализм, а потом коммунизм. А на самом деле мы были настолько плохие, что позволили себе и социализм, и коммунизм. Мы все время думаем, будто кто-то нас сделал плохими. А мы по дурной привычке соглашались добровольно жить семьдесят лет при социализме. И притерпелись. И сломалось внутреннее напряжение. Борис, ты лестишь мне, ссылаясь на "Жизнь с идиотом".

Б.Г. — Не лыщу, не лыщу — на самом деле ты очень точно все описал, гораздо точнее, чем я думал, что такое возможно.

В.Е. — Самой большой ошибкой сейчас было бы объявить, что нужно в очередной раз спасать Россию. Спасать надо самих себя. И тогда Россия может превратиться в нормальную цивилизацию, в которой можно будет приятно и хорошо жить. Требуется от цивилизации быть суперцивилизацией нереально. Но от себя многое можно потребовать.

Упаси Господь быть оптимистом

— Два талантливых человека думают о самоощущении. А там, на улице, происходят жуткие вещи. Как же тут оставаться оптимистом?

Б.Г. — Зачем быть оптимистом? Упаси Господь. Оптимизм — это опасная профессия. Я бы сказал, что оптимизм — это болезнь.

В.Е. — Как и глупость.

Б.Г. — Я думаю: оптимизм — это как болезнь глупости. Впрочем, как и пессимизм.

В.Е. — Это те категории, которые мы в себе никак не можем преодолеть.

— Есть ли на земле место, которое произвело сильное впечатление на вас обок?

В.Е. — В Америке есть одно райское место — Эсален, где Генри Миллер жил последние годы. Это ровно на половине дороги между Сан-Франциско и Лос-Анджелесом. На этом куске земли живут люди, которые, грубо говоря, занимаются окултными науками.

Б.Г. — Точнее — духовной практикой.

В.Е. — Это вроде колонии, где живут люди со всего света.

Б.Г. — Такой большой пионерский лагерь.

В.Е. — Единственное место, где в бассейне плавают все нагишом. Но не это самое примечательное. Там сошлись три воды: Тихий океан, река

и ванны на воде, текущей с гор. Все это создает удивительную энергию. Слышь как в детстве, глухо и чисто.

Б.Г. — У меня была классная история, связанная с Эсаленом. Когда я вернулся в Лос-Анджелес, меня встретила известная читательница "МК" девушка Джован Стингрей. Я смотрю — она в большой задумчивости. Спрашиваю: "В чем дело?" Она говорит: "Вчера я сказала своей сестре, что встречаю Бориса, он едет к нам из Эсалены. Сестра испугалась: "Да ну? Главное — ни в коем случае не подходи к нему близко и не целуй его — у них там в Эсалене такое происходит, такое... Близко не подходи — вдруг заразишься!"

В.Е. — Вот такая дикая репутация у Эсалены. Тамешний институт организовал во время движения хиппи. Туда приезжают замечательные музыканты. Там были "Beatles", туда ездил Боб Дилан. С другой стороны, это такая странная организация, которая пугает американский establishment. Они ведь сейчас с ума сошли на политической корректности. А Эсален — место отъезное. Это частное владение, а потому наложен запрет на присутствие политиков. Я стремился туда, чтобы зарядиться вот этой энергией. Сначала, конечно, я ис-

мне массаж минут 40, а прошло 3 часа с чем-то. Я попал в какие-то воспоминания о неизвестных своих жизни.

В.Е. — Мы закисли в своей культуре. Наверно, кому-то это покажется снобизмом, а на самом деле эти поездки — единственное средство выживания. Если бы я был в нутряной нашей культуре, я уже задрыгался бы. У меня, наверно, начались бы судороги от того, что обо мне пишут критики в течение многих лет. Ничего, кроме гадостей. Приезжаю в Лондон, где вышла книга "Пингвин" с вещами моих современников, которую я подготовил, и вокруг говорят: "У русских есть новая протра. Как хорошо". В "Sunday Observer" вижу свою портрет на подстранице. И не потому, что я собой что-то представляю, просто радостно, что там замечают нашу литературу. Сознание, очень приятна эта энергия поощрения и любви.

— Борис Гребенщиков не может пожаловаться на нашу музыкальную критику. Ему всегда воздавали должное.

Б.Г. — Да, пишут хорошее. Но не покидает чувство, что здесь находишься в своего рода зеврице: здесь — Россия, а там ведь грабительный мир. Мы так были воспитаны, и 90 процентов в России живут в убеждении, что за границей нет

ПРИРОДА ЛЮБИТ ОБНАЖЕННЫХ

Диалоги на кухне Виктора Ерофеева и Бориса Гребенщикова

пытал шок — ходят все голые... Актрисы Голливуда — и тоже голые. В общем, соблазнов полно. В океане киты фонтанчики выпускают.

— Голые обитатели не стесняются, если фигура подвела?

В.Е. — Они обо всем забывают. Последний раз меня потряс голый гермафродит. Я так и не понял — мужчина это или женщина.

Б.Г. — Теоретически это неплохое место для пополнения образования русских мужчин и женщин тоже. Поочередно их пропускать через затылок, чтобы они поняли наконец, что женщина — это не то, что нужно украсть, убить, схватить, использовать, а человек.

В.Е. — В Ялте меня поразило: этот город — какой-то сексуальный рынок. Там женщина — это тёлка. Только и слышишь: "Вот идут две тёлки". "Тёлка, тёлки". Эсален — полная противоположность. Туда приезжали из нашего Союза писатели. Так они все время сидели в трусах, завалившись. Сопарь с них трусы было невозможно. Советская закомплексованность неистребима — неумение загорать, неумение видеть голую женщину и еще множество неумений.

— Борис Гребенщиков в Эсалене давал концерт или ездил зарядиться энергией?

Б.Г. — Я занимался шаманскими плясками целый два года. Играл вместе с шаманами, моими друзьями. Они из Нью-Йорка, но воспитаны школой мексиканских индейцев. Я пальцами бил в барабан. Наша хорошая подруга Катерина Ров ведет семинар — занимается исцелением людей, исправлением искривленных энергий через шаманские танцы.

В.Е. — Я шаманов не видел, но меня поразили потрясавший мужик из Нигерии, теперь он живет в Нью-Йорке. У него есть свой оркестр.

Б.Г. — С кем я играл в шаманские игры — его ученики.

В.Е. — В Эсалене лучшие специалисты по массажу в мире. В ваннах над океаном — терраса, где делают массаж. Стоит дорого: 60 долларов.

— А работавший там Гребенщиков тоже платил?

Б.Г. — Я был как свой. Подходили люди и сами предлагали. Однажды подошел негр и говорит: "Пойдем, я тебе массаж сделаю". Сначала, естественно, подозрение. Мне показалось, что он делал

ничего хорошего. Заграница — манящая, привлекательная, но страшная. А на самом деле у "чужих" в отношениях между людьми больше человечности, тебе скорее помогут незнакомые люди.

В.Е. — Я ехал со студентами по Германии на машине в ливень. Вдруг впереди остановилась машина. Видно, не могла завестись. Все наши ребята выскочили помочь, залезли под капот, но не справились с поломкой и откатили машину в безопасное место. Не испугались грязи. Помогли.

Как спасти Россию

В.Е. — Не надо спасать Россию. Люди сами себя должны накормить.

Б.Г. — ... чтобы почувствовать себя людьми.

В.Е. — В том же Эсалене я встретил русского мальчика из Твери. Он совсем другой человек — от него идет сияние. Он пробыв там полгода и уже светится. Русские монахи в Финляндии, в Новом Валааме — от них тоже свет идет. Их просветила размеренная жизнь, углубленное чтение...

Б.Г. — Я ничего плохого не скажу про русские монастыри, но все время такое ощущение, что они словно в осаде. Монахи смотрят на всех приходящих как на людей, которые пришли с подозрительными целями — навредить.

— Газеты полны сообщений о грабежах, воруют великие ценности из галерей и музеев.

В.Е. — Это только часть общей проблемы. В России никогда не было четкого и определенного представления о собственности. Самыми распространенными словами всегда у нас были "дай" и "возьми". Даже слово "дача" и то как "подачка". В России воровство — даже не воровство, а естественный передел чужого имущества.

Б.Г. — Воровство как форма жизни.

В.Е. — Розанов, то ли с иронией, то ли по широте русской души, гениально сказал: "Посмотришь на русского человека острым взглядом, заметишь он на тебя острым взглядом, и ничего не надо, вот чего нельзя с иностранцем". (Собеседники по-русски свободно заржали.)

— Вы так заразительно хохочете... А не вспомнить ли вам что-то веселое из вашего опыта? Вот Гребенщиков постоянно улыба-

Б.Г. — Наверно, потому, что я не всегда вижу смешное и улыбаюсь сам себе на случай, если я чего-то смешного не доглядел. Но взять и вспомнить про смешное специально — не выхожу.

— А в кино вам сниматься не предлагали?

Б.Г. — Да я на это никогда не пойдю. Я не хочу видеть себя на экране. Моя роль — писать песни. Это я умею, и что у меня, кажется, получается.

— Есть новые сочинения?

Б.Г. — Мы только что записали первую пластинку, которая и в Лондоне, и в Нью-Йорке, и в России воспринимается одинаково. Это песня "Навигатор". Она прозвучит на ТВ в сентябре.

— Не протестируете ли хотя бы несколько слов из песни?

Б.Г. — Нет, я так не умею. Песня — живое существо.

— Поэты любят, чтобы их стихи знали наизусть.

Б.Г. — Я не поэт. Я человек, очень хорошо относящийся к жизни. Я не концептуализирую, но жизнь делает мне иногда подарки, поэтому у меня пишутся песни. Серафим Саровский, когда его спросили: "Откуда же Вы, батюшка, знаете всю правду про всех людей и даете советы?", ответил: "Я не знаю, просто я говорю первое, что мне Гос-

ходит — тяжелое детство. Он у нас не говорит, и слава Богу. Я думаю, это форма насилия, чтобы птица говорила на чужом языке. На поугайском Кафка очень словоохотливый, поэт, знает себе цену. Сегодня к нам приехала собака погугать Кафку. Он достойно оборонялся: поднимал крылья, как орел, и сам пугал собаку. Очень вдумчиво смотрел на незнакомку.

— У него нет желания завести подружку?

В.Е. — Мы ждем, а он еще нам не доложил. Один раз он ночевал в одной клетке с волнистым попугаем и страшно переживал, что его пространство оккупировал кто-то. Коммунистическая уполномоченка даже погугая пугает. По этому эпизоду можно сказать, что когда-то большевики были правы, они нарушали биологические ритмы человека.

Какого цвета жеребец?

Кофе допит, сигареты докурены. Припомнились молодежные дискуссии о песенном жанре. Верный жеб Борис Гребенщиков пересказал притчу восточного мудреца Джун Цзы.

Б.Г. — Когда императору нужен был очень хороший конь-скаун, то послал за каким-то мастером, живущим в провинции. Говорили, что он нашел для этого пегую кобылу. Приводят коня — и все ахнули: "Как же так? Это не пегая кобыла, а черный жеребец..." И только один знаток заметил: "Его прислал настоящий мастер: он не смотрит на внешние признаки: кобыла, жеребец, черный, пегий — он видит суть". И на самом деле, конь оказался самым лучшим. Так и в творчестве. Люди воспринимают не стиль писателя или композитора, не слова, не ноты, а энергию, чтобы потом выразить себя. Очень давно кто-то изрек, что гении не начинают, а заканчивают эпоху культуры. В этом смысле Владимир Высоцкий послужил определяющим фактором в кончине Советского Союза. Высоцкий закончил культуру Советского Союза.

— Его песни незаметно разрушали основы советского монстра.

Б.Г. — Я не думаю, что Высоцкий ставил целью разрушать. Как очень хороший актер и абсолютный гений песни, он формулировал то, что носилось в воздухе.

— Но энергия, которую несли песни Высоцкого, несла разрушение.

Б.Г. — Это замечательно. Эта энергия носилась в воздухе, и он стал ее рупором.

В.Е. — Гений — это рупор. Когда заканчиваешь одну вещь, остается чувство, что ты весь кончился, больше ничего не напишешь. И каждый раз начинаешь сначала.

Б.Г. — Напишешь песню, повесть или и думаешь: "Вот умел я писать. Теперь уж так не получится". И страшно — смогу ли еще.

Затем мы засорили о Лермонтове, о ко-чующих сюжетках.

В.Е. — Вся литература — один кочующий сюжет.

— Любви и ненависти?

В.Е. — Без ненависти. Где появляется ненависть, там кончается творчество.

Б.Г. — Говоря о плохих писателях, плохих музыкантах или о плохих астрологах — о ком угодно, — я говорю вполне осознанно: надо думать, что все плохие сочинения написали люди — мужчины и женщины, — у которых друг с другом не получается. Если человек обделил себя в отношении с человеком противоположного пола, то у него никогда ничего не получится в области любого творчества. Только находясь в гармонии с окружающей жизнью, человек может по-настоящему воспринимать то, что в этой жизни происходит. Тогда Вселенная нормально через него будет работать. Фундамент всего — гармоничные отношения между женским и мужским. Повторюсь, в чем в России огромная беда. И не только в России — в Америке то же самое.

В.Е. — Очень большая в этом смысле страна.

— Виктор, ты сказал, что сборник "Пингвин" хорошо был встречен в Англии. А там знают современную русскую прозу?

В.Е. — На Западе знают русскую прозу на уровне "Доктора Живаго" и Солженицына. И еще знают Евтушенко. Все это, конечно, достойные писатели. Я думаю, что в последние несколько лет "Пингвин" представит современную русскую прозу. Для них это было откровением. Они прочитали и сказали: "Да ваша проза лучше, чем у нас". (Хохочет.) Я собрал сборник произведений от Шаламова до самых молодых. Написал предисловие "Цветы зла", поскольку русская проза советского периода в основном занималась проблемой социального зла. Наша "черная" проза испугала тамошнюю публику, потому что она затронула биологическую сферу, ушла от социальных проблем. И тем самым заполнила какую-то новую читательскую нишу. Случилось, эта проза вызвала дикую реакцию у наших критиков и у читателя. Он привык считать: если вода из крана не так течет, надо вызвать слесаря. А здесь, в новой прозе, внутренняя течь, о которой читатель не знал ничего, поэтому он считает: такая литература — это конец гуманизма и человечества. Она полна обид и несчастий. "Что это такое — "цветы зла"? — возмущается наш читатель. — Почему нет ничего светлого, одна чернуха?"

Б.Г. (Голос его тих, как-то трудно представить такого Б.Г. властителем присмиршего зала.) — Я читаю Довлатова и Венедикта Ерофеева на английском и вижу: они не уступают западным писателям.

В.Е. — Запад нас обычно жалеет, словно мы какие-то несчастные, оккупированные кем-то. И будто мы ждем, чтобы освобождение пришло с Запада. Они совершенно не понимают: мы не Европа — мы просто другие. Мы сидим как бы сразу на двух стульях — Запада и Востока.

Б.Г. — Знаешь, что надо сделать? Надо колотить в конце концов себе собственный стул. Меня порадовало — мы сейчас записали в Лондоне русский альбом. Он одинаково хорошо слушается и там, и здесь.

В.Е. — Мартин де К